

Воспоминание.

Весной 1943 года на всех фронтах Великой отечественной войны с гитлеровской Германией шли ожесточенные наступательные бои и одновременно велась подготовка советских войск к генеральному наступлению.

В марте 1943 года я выписался из госпиталя и был зачислен на службу в качестве старшины артпарка 205 минометного полка 9 артиллерийской дивизии РК. Полк стоял на отдыхе.

В мае-июне 1943 года наш полк принимал участие в штурме города Лисичанска, расположенного на высоком берегу реки Северный Донец.

В июле 1943 года мы вели тяжелые наступательные бои под городом Чугуевом. Прорвав оборону фашистских войск, мы форсировали реку Северный Донец и наступали на город Змиев. В том же месяце 1943 года готовился прорыв обороны гитлеровских войск под городом Святогорском, куда был переброшен наш полк. Мы заняли оборону по высокому песчаному берегу Северного Донца, покрытого сосновыми насаждениями, посаженными известным русским лесоводом Тихоновым. На этом участке произошел памятный для меня случай. Это было примерно 22 - 27 июля 1943 года. Мне было приказано доставить на огневые позиции 2-ого дивизиона нужное оборудование и боеприпасы. Когда ехали на передний край, мы попали под артиллерийский и под бомбежку. Но, благодаря опыту водителей, мы добрались до огневых позиций без потерь. Выполнив приказ, я зашел в землянку командира 2-ого дивизиона - лейтенанта Миротворцева, чтобы оформить документы. Меня и моих товарищей мучила жажда - напиться воды после тяжелой дороги, тяжелых разгрузочных работ. К тому же был жаркий и знойный день. Я попросил у лейтенанта Миротворцева попить воды. В ответ он сказал, что у них нет и капли воды и за ней надо ползти к колодцу, который находится недалеко под обрывистым склоном, почти у самой кромки реки Северный Донец. Я, долго не думая, попросил котелки и направился в переднюю линию наших окоп. Отсюда, с высокого берега, хорошо были видны вражеские окопы передней линии фашистов, которые проходили по кромке противоположного слегка возвышенного берега. Выбрав более удобный подход, я пополз вниз по размыву, заросшему кустарником. Когда достиг кромки берега, то здесь меня надежно укрывала крапива, лебеда и лопухи. Подползая к колодцу, в кустах я увидел человек шесть лежавших на земле незнакомых наших солдат с пустыми котелками в руках и с автоматами на шее. Они рассуждали между собой как удобнее достать воду из колодца. А жажда пить еще сильнее одолевала, тем более, что вода... вот она! Но... фашисты в 70 - 100 метрах.

Посоветовавшись, мы решили подползать к колодцу по два человека, и, укрываясь за его сруб, черпать воду котелком, привязанным к семи ремням.

Поскольку мы друг друга не знали, то отличить друг от друга могли только по роду войск и внешнему виду.

Первыми вызвались идти два паренька-пехотинца, один из них был чернявый, а другой рыжеватый. Когда последний приподнялся чуть-чуть над срубом, чтобы опустить котелок в колодец, его постигла неудача - он был убит фашистской пулей. Тогда на помощь к колодцу пошли поочередно - третий и четвертый. Они оба были ранены в руки. Им пришлось возвращаться в кусты и ползти по своим подразделениям.

Я пошел пятым, под прикрытием огня двух товарищей, которые оставались на очереди в кустах, и нашего пулемета с высокого берега, которые открыли ответный огонь по фашистам, которые, в свою очередь, вели прицельный огонь по нам. В этот момент еще один солдат погиб, и другой был ранен из двух товарищей, которые прикрывали нас. Под прикрытием сильного пулеметного огня нам в какое-то мгновение удалось почерпнуть около шести неполных котелков. С ними стало сложнее отползать от колодца и добираться до своих подразделений. Мы, хотя и торопились, но действовали под огнем врага очень осторожно, двигались обратно по тому же размыву очень медленно,

используя для укрытия каждый куст, каждый выступ или ямку. Таким образом мы, чернявый солдат и я, вернулись в свои подразделения. Но воды в трех котелках было настолько мало, что только десяти человекам хватило по одному глотку. Они были рады и этому, подхваляли меня. В это время пришел зам.командира полка по политчасти капитан Столяров, за глоток воды поблагодарил, а за рискованные действия меня по-отечески отругал.

На рассвете мы успешно форсировали Северный Донец, взяли сожженную деревню и начали наступление в направлении городов Славянска и Барвенково. Это было начало генерального наступления советских войск на III-ем Украинском фронте. Затем 9 мая 1945 года пришла долгожданная Победа. Дальше у каждого солдата судьба сложилась по-своему. Мне довелось еще участвовать в войне с Японией в составе 33 стрелкового полка 66 стрелковой дивизии на I-ом Дальневосточном фронте. В 1946 году я по ранениям вернулся домой. В 1947 году поступил учиться в Московский ЛТИ. А в сентябре 1948 года в здании института я неожиданно встретил того же чернявого солдата-пехотинца. Мы друг друга узнали, вспомнили памятный случай. Он уже был сержантом, и на его груди среди других орденов был орден Ленина и Золотая Звезда Героя Советского Союза. На этот раз я узнал, что его зовут Николай Дмитриевич, а фамилия его - Баздырев.

А. Шадрин